

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Северо-Западный институт управления

Российская ассоциация
прибалтийских исследований
(РАПИ)

Серия «История»

Н. М. Межевич

**ПУТЬ ПРИБАЛТИКИ:
от национализма к авторитаризму,
от авторитаризма к глорификации фашизма**

Научный доклад

*Санкт-Петербург
2020*

УДК 355.48
ББК 63.3(2)622,1
М 43

Автор: Н. М. Межевич, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва), президент Российской ассоциации прибалтийских исследований)

Научный редактор: В. А. Шамахов — д-р экон. наук, канд. ист. наук, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса

Межевич Н. М.

М 43 Путь Прибалтики: от национализма к авторитаризму, от авторитаризма к глорификации фашизма : научный доклад / Н. М. Межевич. — СПб. : ИПЦ СЗИУ. — 2020. — 54 с. — (Серия «История»).

ISBN 978-5-89781-675-0

Великая Отечественная война была не только противостоянием стран, но и борьбой идеологий. Фашизм был разгромлен, коммунистическая идеология и демократические практики победили и начали конкурировать между собой. Взаимное сдерживание в послевоенной Европе способствовало тому, что фашизм и неонацизм не могли стать угрозой обществу.

Ослабление внешнего политического управления, распад СССР привели к качественному росту национализма в первую очередь в Восточной Европе. Однако именно в странах Прибалтики трансформация национализма в авторитаризм, а авторитаризма в фашизм, прошедшая в 20–40-е гг. прошлого века, готова к повторению. Новые экономические и политические условия, информационная и цифровая среда маскируют сползание к авторитаризму, но не отменяют его.

Автор рассказывает о специфике политических систем современной Прибалтики, особенностях истории Прибалтийских стран, генезисе возникновения в них крайне правой и фашистской идеологии. Рассмотрены особенности прибалтийского национализма как фактора, детерминирующего авторитарные и просто фашистские практики.

Юбилей Великой Победы — это не только основание для гордости за прошлое, но и хороший повод для того, чтобы найти угрозы для будущего.

УДК 355.48
ББК 63.3(2)622,1

ISBN 978-5-89781-675-0

© Межевич Н. М., 2020
© Широков А. И. (предисловие), 2020
© Северо-Западный институт управления РАНХиГС, 2020
© Российская ассоциация прибалтийских исследований, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>А. И. Широков</i>)	5
Введение	10
1. ИСТОРИЯ СТРАН ПРИБАЛТИКИ И ГЕНЕЗИС ПРИБАЛТИЙСКОГО ФАШИЗМА	18
2. МЕЖВОЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА НАЦИФИКАЦИИ.....	27
3. ПРИБАЛТИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРИТАРНЫХ И ФАШИСТСКИХ ПРАКТИК.....	32
4. ТЕНИ ПРОШЛОГО И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ.....	40
Заключение	51

**«Попытки переписать историю
и тем самым повлиять на развитие мировых процессов
на современном этапе будут продолжаться.
Мы должны быть во всеоружии,
чтобы этим попыткам было не суждено реализоваться».**

*Из выступления министра иностранных дел
Российской Федерации С. В. Лаврова
на церемонии возложения цветов к мемориальным доскам
по случаю Дня дипломатического работника,
Москва,
10.02.2020*

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX столетие, ознаменовавшееся двумя беспрецедентными мировыми войнами, тектоническими сдвигами в архитектуре международных отношений и жизни отдельных национальных государств, ушло в историю в условиях очередного удара глобальных изменений. Исчезновение с политической и экономической карты Советского Союза (причины этого — отдельный и серьезный разговор) породило экономическую турбулентность на территории бывшего СССР, запустило сложные процессы формирования суверенных государств на основе некогда советских союзных республик. Эти драматические события создали иллюзию возможности существования мира, управляемого одной супердержавой, диктующей всем народам «правила поведения», определяющей каждому объем и содержание национальных интересов.

Мюнхенская речь российского Президента в 2007 г. показала, что далеко не весь мир готов поддерживать такой мировой порядок. Начавшееся с этого времени сложное взаимодействие теперь уже двух-трех мировых центров силы активно распространилось не только на политико-экономические «площадки». Отдельным полем для геополитического «гольфа» стала область истории, исторической памяти. Наиболее сильным ударам подверглась прежде всего проблематика причин и результатов Второй мировой войны, длительное время признававшая выдающийся вклад Советского Союза (и России как его правопреемницы) в разгроме нацистской Германии.

Это не выглядит случайным, если учесть, что основы существующего миропорядка были заложены державами-победительницами. Поэтому, «подстроив» историческую память под конъюнктурные политические интересы, можно «поменять» состав

как виновников глобального военного конфликта 1939–1945 гг., так и состав победителей в нем. В случае успеха такой попытки высокое положение России в системе международных отношений и организаций (ООН прежде всего) можно объявить ничтожным. За этим следует возможность лишения, например, права «вето» в Совете безопасности ООН, что позволяет не считаться с мнением Российской Федерации по самому широкому кругу мировых проблем. Именно поэтому сегодня, когда противостояние двух взглядов на историю достигло, пожалуй, своего апогея, вновь стал актуальным советско-германский договор о ненападении 1939 г. (пакт Молотова — Риббентропа), который преподносится как доказательство совместной вины Германии и СССР в развязывании Второй мировой войны.

Параллельно с описанными международными процессами происходили поиски собственной суверенности в республиках бывшего СССР. Фундаментом последней должна была стать собственная национальная «несоветская» идентичность, что породило всплеск исследований собственной истории в независимых отныне странах. Общим местом этих студий стала некая если не «антирусскость», то как минимум «нерусскость» содержания — роль России в истории бывших народов СССР если не описывалась как роль агрессора, то констатировалась пунктиром, «мелким шрифтом». В целом это объяснимо — право на идентичность, на «самость» легче всего доказать, опираясь на критику некоей «противной стороны», на методы системы «свой — чужой».

И, наверное, эти обстоятельства можно было бы и оставить без внимания. В конце концов, собственный взгляд на собственную историю — суверенное право суверенного государства. Однако если изначально местные националисты лишь доказывали «драматизм» и «насильственный характер» пребывания ставших суверенными государств в составе бывшего СССР, настаивали на «оккупации», на «целенаправленном голодоморе» со стороны советского режима и т. п., то постепенно они перешли к практике создания националистических авторитарных режимов.

В результате реализации «права основной нации» на выдающуюся роль в жизни страны появилась, например, обширная категория «неграждан» — в основном русских и русскоязычных. Более того, новыми «национальными героями» стали те, кого со времен Нюрнбергского процесса было принято считать преступниками — военнослужащие ваффен-СС, боевики УПА и т. д. Основанием такой причудливой метаморфозы стал взгляд на этих военных преступников как на участников «сопротивления» советской «оккупации», советской «агрессии», которая, в свою очередь, прямое «следствие» пакта Молотова — Риббентропа 1939 г.

Логика развития националистических режимов в Прибалтике и на Украине, таким образом, привела их «исторические основы» в ту же точку, к которой пришел коллективный Запад в обосновании своего «права» на верховенство в определении судеб мира. Поэтому никого сегодня, к сожалению, не удивляет заискивающая улыбка Прибалтийских государств, обращенная на Запад и, одновременно, недружественный «тевтонский» взгляд на Восток. Конечно, в таком положении дел играет свою роль и малый характер этих государств, находящихся на периферии противоречивого диалога крупных мировых игроков: националистические антироссийские амбиции элит стран, прежде всего Прибалтики, наиболее плодотворно могут быть реализованы только при влечении их слабого голоса в общих хор членов разного рода альянсов, так или иначе направленных против России.

При этом акты формально-юридического характера в отношении пакта Молотова — Риббентропа (от решений Нюрнбергского процесса и до резолюции Второго съезда народных депутатов СССР (12–24 декабря 1989 г.)¹ с негативной оценкой действий режима Сталина вследствие секретных протоколов советско-германского договора 1939 г.) как правовые основы возможного продуктивного взаимодействия игнорируются. Как и однозначные заявления

¹ Второй съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. : стенографический отчет. — Т. IV. — М., 1990. — С. 613.

представителей высшего уровня политического руководства России и, например, Германии².

Вполне очевидно, что мы сегодня, увы, являемся свидетелями решительных попыток переписывания истории Второй мировой войны, создания мифа о германо-советской ответственности за ее развязывание. Прикладное политическое значение этого мифа используется как коллективным Западом для обоснования своего верховенства в международных делах, так и националистическими государствами Прибалтики для доказательства «обоснованности» авторитарного характера собственных режимов.

Однако такие попытки встречают не молчание, а активное противодействие со стороны не только современного Российского государства, но и российской исторической науки, опирающейся на строго верифицированный корпус исторических источников. К числу ее талантливых представителей относится и профессор Н. М. Межевич, автор представляемой работы. Ученый в лучших традициях российской историографии в рамках обширного временного промежутка анализирует генезис национализма в странах Прибалтики, его современную трансформацию в авторитаризм с раз-

² Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко специально отмечала: «Вызывает глубочайшее сожаление, что политики некоторых стран пытаются исказить историю, переписать ее, оправдать пособников фашистов и чуть ли не обвинить Советский Союз в развязывании войны...». Матвиенко назвала попытки исказить историю Второй мировой войны кощунством [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-nazvala-popytki-iskazit-istoriyu-vtoroy-mirovoy-voyny-koshhunsvom.html> (дата обращения: 06.03.2020).

Министр иностранных дел Германии Хайко Маас подтвердил официальную позицию Берлина, что «Германия единственная несет ответственность» за развязывание страшной бойни XX столетия и за Холокост, а все остальные трактовки, ставящие под сомнение этот исторический факт, недопустимы и «несправедливы по отношению к жертвам национал-социалистического режима» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/05/08/mid-frg-tolkogermaniia-vinovna-v-razviazvanii-vtoroj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 08.05.2020).

витым системным прославлением (глорификацией) фашизма. Точность формулировок, аргументированность суждений, обоснованность выводов — таковы особенности труда профессора Н. М. Межевича. Находящийся, в том числе, и на острие политического дискурса научный доклад «Путь Прибалтики: от национализма к авторитаризму, от авторитаризма к глорификации фашизма» — серьезный шаг в понимании процессов, происходящих в соседних государствах, а также весомый аргумент в противостоянии попыткам создания «новой исторической реальности», в отстаивании исторической правды и о войне, и о мире.

А. И. Широков,
д-р ист. наук, профессор,
член Совета Федерации Федерального Собрания РФ

ВВЕДЕНИЕ

Память, но не рефлекс — возможно, ключевое отличие мира человека от мира животных. В тех случаях, когда мы говорим о крупных социальных объектах, группах, классах, нациях, память становится коллективной и приобретает новое качество, самостоятельную ценность, выражающуюся в том, что эта группа или общность весь ход исторического процесса воспринимает через данную призму. Кроме того, историческая память наследуется. С ней можно бороться, но ее можно и поддерживать. Ее можно хранить, но можно и переписывать. Историческая память — новое поле боя в условиях стратегического ядерного паритета. Стране, лишенной памяти о своем прошлом, нетрудно навязать чужое будущее.

И еще один важный, возможно, ключевой момент. У государств, как и у людей, не просто бывает разная память об одних событиях, возможен конфликт памяти. В Эстонии и Латвии ветеран СС из 15-й, 19-й или 20-й дивизии — это защитник родины, волею случая одетый в немецкий мундир. Им если не гордятся открыто, то пытаются реабилитировать с помощью юридических ухищрений и переоценок прошлого.¹ Для россиян латышские, эстонские и литовские герои — это воины 130-й дивизии Латышского ордена Суворова корпуса, 8-го Эстонского стрелкового Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской Краснознаменной дивизии. Иного не дано.

Американский ученый, теоретик и практик идеологических диверсий на постсоветском пространстве Пол Гобл указывает на то, что «каждая попытка навязать одностороннее толкование истории встре-

¹ См: *Ковалев Б. Н. Прибалтийский след на Северо-Западе России 1941–1944 гг.: преступления военных и парамилитарных формирований : научный доклад / Б. Н. Ковалев. — СПб. : ИПЦ СЗИУ, 2020. — 70 с. — (Серия «История»).*

чает противодействие; те, чье будущее зависит от способности контролировать исторические толкования, готовы заплатить за это более высокую цену, чем кто-то может себе представить»². Однако антироссийский пассаж бьет мимо цели, как и все геополитические экзерсисы автора за последние 30 лет. Россия, наследница СССР, показала себя готовой продолжить спокойную и выверенную защиту итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Понимание этой ситуации заставляет политический класс Прибалтики применять силовые инструменты. Несогласных с реабилитацией нацизма в Прибалтике бросают в тюрьмы, их преследует политическая полиция, их обрекают на нищету, назначая им чудовищные штрафы за политические высказывания. Эта модель избирательного насилия — системный признак авторитарных прибалтийских режимов. Многочисленные недосказанности национальной истории, «белые пятна», системный геополитический коллаборационизм, реабилитация фашизма выталкивают государства Прибалтики на тяжелую для нас, но в конечном счете безнадежную для них пропагандистскую войну.

Впрочем, исходя из внутривнутриполитических задач и по мере системной деградации, в Прибалтике все больше внимания уделяется оправданию собственных граждан, воевавших в частях СС, уничтожавших людей в гетто и концлагерях, сжигавших города и деревни в Советской России, на Украине и в Белоруссии. Госсекретарь МИД ЛР Андрис Тейкманис в опубликованном 11 января 2011 г. интервью газете «*Latvijas Avīze*» открыто транслировал латвийским ученым — историкам политическую установку официальной Риги: «Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту».³

² Гобл П. Парад 9 Мая — крупнейшая ошибка Путина [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.obozrevatel.com/news/2005/5/9/11855.htm> (дата обращения: 09.05.2005).

³ Дюков А. Р., Симиндей В. В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. — М. : ИЦ фонда «Историческая память»,

В 2012 г. Литва представила новую стратегию «исторической политики»⁴. Политическая направленность такая же, как и в Латвии, слог же заставляет вспомнить знаменитый приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Возникает вопрос: почему? В основе государственной концепции стран Прибалтики лежит концепция трех «оккупаций»: двух советских и одной немецкой. Однако даже если согласиться с этим абсурдом, нет логического объяснения, почему эстонцы или латыши в немецкой форме — национальные герои, а в форме советской армии — изменники? Тезис о трех «оккупациях» постепенно трансформируется в модель двух советских «оккупаций». Это было необходимо для того, чтобы сконструировать хотя бы формальные основания для формирования этнократий. «Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его “заглушки” потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации», — пишет финская журналистка Лезна Хиетанен⁵. (Естественно, это относится к Эстонии и Латвии, но не к Литве, где формировалась и существует несколько иная модель этнического авторитаризма.)

2011. — С. 14; Пособники нацистских преступлений. 96 ветеранов Латышского легиона СС, которые еще живы : совместный доклад неправительственных организаций / сост. А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. — М. : ИЦ фонда «Историческая память», 2020. — 32 с.

⁴ Užsienio reikalų ministro Audroniaus Ažubalio metinis pranešimas Lietuvos Respublikos diplomatinių atstovybių vadovų metiniame suvažiavime. Vilnius, 2012 m. liepos 18 d. : ежегодный доклад министра иностранных дел А. Ажубалиса на ежегодной встрече глав дипломатических представительств Литвы [Электронный ресурс]. — URL: www.urm.lt/index.php?2021555892 (дата обращения: 18.07.2012).

⁵ Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост, 16 июня 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricaet-holokost.d?id=19148244> (дата обращения: 12.10.2014).

Общим для трех стран Прибалтики является то, что «...компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки их пребывания в составе СССР вряд ли возможен на нынешнем этапе. Ведь оккупационная концепция лежит в основе государственной идеологии, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства».⁶

«Темы “советской оккупации” и “российской угрозы” служили обоснованием института “неграждан” в Латвии и Эстонии, и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности данных рисков. Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму»⁷.

Эта и подобные позиции были закреплены в официальных оценках МИД РФ. Обратимся к официальному материалу МИД РФ, который был подготовлен 13 февраля 2004 г. и отсутствует на сайте МИД РФ, но сохранен ИА РЕГНУМ: «Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала».⁸ Российский подход встретил жесткое сопротивление, никак не меньшее, чем контратаки эстонских и латышских СС из 20-й и 19-й дивизий в 1943–1944 гг. Вывод очевиден. Сложившаяся антагонистическая ситуация исключает достижение межэтнического консенсуса по историческим вопросам, обрекая эти страны на изнурительную конфронтацию между наиболее крупными национальными общинами»⁹.

⁶ Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 150.

⁷ Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. — 2015. — № 2(24). — С. 84.

⁸ Подробнее см.: Дюков А., Симиндей В. Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. — 2011. — № 6 [Электронный ресурс]. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/483> (дата обращения: 23.04.2020).

⁹ Скачков А. С. Россия и Прибалтика: причины кризиса // Международная жизнь. — 2018. — № 9. — С. 13.

Важно отметить и то, что в Эстонии, Латвии, Литве движение к войнам памяти велось еще до получения государственной независимости в 1991 г. К этой «войне» страны Прибалтики готовились с 1988 г., как формируя политико-правовое обоснование собственной концепции истории, так и совершенствуя практики агрессии в отношении российской истории. С 1992 г. начинается замалчивание факта добровольного участия эстонцев в формировании частей СС.

Так, в опубликованном учебнике «Очерки истории эстонского народа» авторскому коллективу националистов-фальсификаторов удалось добиться уникального результата: в главе, посвященной Второй мировой войне, ничего не сказано об участии их соотечественников в частях СС.¹⁰

Для нас очевидно то, что невозможно отдавать честь легионерам 19-й и 20-й дивизий СС, отрицать геноцид и холокост, участие своих граждан в карательных операциях на территории РСФСР и Советской Белоруссии и надеяться на молчание своих соседей.

В странах Прибалтики нацизм приходит в жизнь, общество и политику малыми шагами и почти незаметно для обывателя, для которого отдельные ситуации не воспринимаются как системные. Кроме того, нацизм легко распространяется в географическом смысле, если где-либо, например, в том или ином государстве, он приобрел устойчивые позиции, а центральная власть принимает решения, исходя из идеологических построений и концептов нацистского свойства. Например, государства Прибалтики, в которых борются с так называемой советской оккупацией, восхваляя нацистских коллаборационистов, повлияли на развертывание нацизма в других странах, прежде всего на Украине. А уже в дальнейшем развертывание нацистской идеологии на Украине также влияет на ситуацию в Прибалтийских государствах.

Анализ современной ситуации в государствах Прибалтики, оценка националистических и авторитарных тенденций важны

¹⁰ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа / пер. Б. И. Тух. — Таллин : Кооператив писателей Эстонии, 1992. — 239 с.

и нужны, однако «чтобы объяснить фашизм, необходимо рассмотреть его в историческом контексте. На протяжении трех десятилетий он был лишь одним из вариантов более широкого политического идеала — авторитарного национального государства. А оно, в свою очередь, было лишь одной из версий господствующего политического идеала современности — сильного национального государства»¹¹. В России самостоятельно к этим же выводам пришел историк В. В. Симиндей¹².

Более того, нацизм становится определяющим в общественно-политической жизни, когда он имеет мощную историческую основу, становится компонентом государственной идеологии, является частью исторической памяти.

Проникновение нацизма в общественно-политическую жизнь проходит через несколько этапов. На первом этапе группы влияния подбирают себе соответствующие политические партии. Задача эта несложна, идеи национального превосходства «коренных» еще с конца 1980-х имели и свои общественные движения, и свои протопартии. Так, в Эстонии общество охраны памятников плавно эволюционировало в партию национальной независимости (ППНЭ), из нее вырос Конгресс граждан. После 1991 г. на правом фланге эстонской, как и литовской, политической линейки тесно от националистов, которые проводят агрессивные мероприятия, активно используют нацистскую символику. В этот же период начинается проведение факельных шествий, начинаются марши в поддержку ветеранов СС.

На втором этапе националистические партии захватывают монополию на историческую истину, начинается ревизия истории, из которой вычеркиваются не только отдельные люди, но и целые

¹¹ Манн М. Объяснение межвоенного подъема авторитаризма и фашизма (из книги) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2019. — № 2(17). — С. 7.

¹² Симиндей В. В. Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике — М. : ИЦ фонда «Историческая память» ; Алгоритм, 2015. — 352 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Вып. 7.)

народы. Происходит законодательное закрепление реабилитации нацизма в форме «равной ответственности» фашистской Германии и СССР.

На третьем этапе горят книги, а затем и люди. Осуществляется прорыв от идеологии национального превосходства к практикам их осуществления. Третий этап — это перспектива Прибалтики¹³.

Данные процессы долгое время не находили в России адекватного внимания. Однако в последнее десятилетие ситуация изменилась. Укажем на сухую академическую формулировку российских ученых: «Имело место “использование” нацистами прибалтийских националистов в целях более эффективного осуществления гитлеровской экспансионистской и оккупационной политики на Востоке»¹⁴. Однако это не означает отсутствия государственной ответственности Эстонии, Латвии, Литвы за преступления своих граждан-добровольцев. Эстонские, как и латышские эсэсовцы квалифицируются как военные преступники согласно приговору Нюрнбергского военного трибунала: «Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов “общих СС”, войск СС, соединений СС “Мертвая голова” и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС»¹⁵. Определенная проблема с применимостью решений Нюрнберга к членам военных и парамилитарных формирований есть, о чем будет сказано далее.

«Обеление довоенных режимов, фальсификация причин перемен 1940 года и истории послевоенного периода, политическая реابي-

¹³ Используются научные подходы С. С. Середенко и статья: *Еремина Н. В., Межевич Н. М.* *Нацизм в Прибалтике. Тени больше не исчезают в полдень, они идут на выборы [Электронный ресурс].* — URL: http://baltstudies.ru/president_column/natsizm-v-pribaltike/ (дата обращения: 5.03.19).

¹⁴ От национализма к коллаборационизму : Прибалтика в годы Второй мировой войны : документы / отв. сост. А. В. Репников; сост. Р. С. Агарков, Ж. В. Артамонова. — В 2 т. — Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2018. — 437 с.

¹⁵ Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. — М. : Юридическая литература, 1999. — Т. 8. — С. 655.

литация на уровне государства латвийских нацистских коллаборационистов и одновременно лишение со стороны государства всяческой поддержки тех, кто воевал на стороне антигитлеровской коалиции; наконец, уголовное преследование бывших борцов с гитлеровской Германией и ее пособниками из числа местных жителей — все это звенья одной цепи»¹⁶. Согласимся с мнением авторитетного специалиста В. Гущина, выраженным в ключевом журнале, сочетающим академичность и выверенную политическую позицию. Однако констатация факта не отменяет вопрос о генезисе явления, стадийности, адекватной политической оценке.

¹⁶ Гущин В. К вопросу о причинах распространения неонацизма в Прибалтике [Электронный ресурс]. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14036> (дата обращения: 31.10.2015).

1. ИСТОРИЯ СТРАН ПРИБАЛТИКИ И ГЕНЕЗИС ПРИБАЛТИЙСКОГО ФАШИЗМА

Многие современные характеристики литовского, латышского, эстонского общества объясняются изначально высоким, возможно, уникальным уровнем культурного изоляционизма в сочетании с агрессивным национализмом, характерным для всей истории эстонского и латышского народа и большей части истории литовцев.

Доказывая этот тезис, ограничимся ХХ в. и укажем на то, что «конфликты интересов в многочисленных регионах Российской империи первично существовали не между нерусскими и государством или государствообразующей народностью, а между этнически различными низшими, средними и верхними слоями. То есть, например, между эстонскими и латышскими крестьянами — и прибалтийскими немецкими дворянами и горожанами; между украинскими, литовскими и белорусскими крестьянами — и польской знатью...»¹. Это важный момент, показывающий, что национализм в Прибалтике был, но изначально не был адресован именно на Восток.

Еще один признак прибалтийского национализма — его мелкобуржуазное, крестьянское изначалие. «Процесс образования культурной дистанции и конструирования этнической границы нашел свое выражение в создании национальных символов и культурных паттернов, например, в поддержании имиджа сельских районов как носителей аутентичной «норвежской культуры» и перенесении артефактов крестьянской культуры в городской контекст»². Эта фор-

¹ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. — М. : Новое издательство, 2005. — С. 405.

² Куропятник М. С. «Запоздалые нации» Северной Европы: проблема конструирования идентичности // Санкт-Петербург и страны Северной Европы :

мула великолепно работала для крестьянских обществ Эстонии, Латвии, Литвы, лишенных до недавнего времени не только политической элиты, но и городского населения вообще.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Практически полностью составляя податное сословие, эстонцы и латыши до начала XIX в. не были представлены в городах, не имели своего купечества, а не только дворянства. Еще в первой четверти XIX в., по словам известного эстонского просветителя О. В. Мазинга, сказать «эстонец» означало сказать «крестьянин».³ Добавим, что это в полной мере относится ко всем трем «титულным нациям». Формирование политической элиты во второй половине XIX — начале XX в. шло по уникальной модели: зажиточное крестьянство — мещанство («свободные люди» (Freie Leute)) — городской средний класс — национальная интеллигенция — политическая элита.

В «литовских» губерниях ситуация была еще сложнее. Политическая власть находилась у русских и поляков, экономическая — у поляков и евреев. Приведем пример предельной ограниченности возможностей экономической и политической власти будущих титульных этносов. В 1802 г. в Эстляндской губернии из 156 купцов первой гильдии 81 были немцами, 48 — русскими и 27 — эстонцами.⁴ Впрочем, «своеобразная комбинация особого прибалтийского правопорядка и введенного во второй половине XIX века российского законодательства по местному самоуправлению значительно расширила возможности латышей и эстонцев в организации и артикуляции своих

материалы ежегодной международной научной конференции. — СПб., 2003. — С. 244.

³ Рухтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии. — Таллин : Aleksandra, 1994. — С. 16.

⁴ Федосова Э. От беглых староверов к государственной колонизации. Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII–XIX вв.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/ (дата обращения: 12.01.2018).

индивидуальных и групповых интересов»⁵. К примеру, в 1909 г. на выборах в Рижскую городскую думу из 80 гласных было 54 не латыша (немцы, русские, евреи) и 26 латышей.⁶

Интересен немецкий взгляд на эстонскую нацию: «...эстонцы горды тем, что они как малый народ пережили тысячелетия, и они убеждены, что принадлежат к способной нации, которая не даст себя унижать. На этой земле идеалом является тот, кто упорно сопротивляется, а не завоеватель. Отсюда и презрение к онемечившимся эстонцам (“можжевеловым немцам”), по-остзейски “Kadakasentum”, по-эстонски “kadakas”»⁷. Тезис получил развитие в классической эстонской литературе национального возрождения: «Мартин Риземан — немец из того сорта эстонцев, которые не хотят быть эстонцами... среди состоятельных и образованных людей никто не хочет быть эстонцем, это считается унижительным и оскорбительным, и когда говорят “эстонец”, то подразумевают только мужика или вообще человека из низших сословий, невежественного и полуграмотного»⁸.

К 1917 г. в пределах территории будущей Эстонии действовали 124 молочных и 170 машинных товариществ, 133 потребительских кооператива, 305 обществ взаимного страхования.⁹ Средний класс или точнее мелкая и средняя буржуазия, «достроили» социальную

⁵ Руутсоо Р. Исторические типы гражданского общества и организационный капитал народов Прибалтики [Электронный ресурс]. — URL: <https://cisr.pro/publications/working-papers-3/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁶ Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории [Электронный ресурс]. — URL: http://www.latlat.sitcity.ru/stext_0510223939.phtml/ (дата обращения: 24.03.2020).

⁷ Маленькие истины об эстонцах и немцах : приложение к «Годовому отчету командира полиции безопасности и СД с июля 1941 по 30.06.1942» [Электронный ресурс]. — URL: <https://mahtrasass.livejournal.com/56703.html> (дата обращения: 24.03.2020).

⁸ Вильде Э. На заре : сборник рассказов и повесть. — Таллин : Эстгосиздат, 1964. — С. 165.

⁹ Карьякарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. — Таллинн : Ээсти раамат, 1987. — С. 40.

структуру эстонского, латвийского общества, которая до этого была не полной. Так формировался мощный «средний класс» с его предельно националистическими устремлениями. Политическое представительство помогало развивать «национальных» собственников, формировавших комфортную для себя среду.

Однако процесс захвата власти через экономическое проникновение — процесс долгий. Вероятно, он растянулся на долгие десятилетия. Конфликт в острой форме — не тот метод, который практиковался литовцами, латышами, эстонцами. Приспособление — ключевой способ адаптации жителей Прибалтики в XX в. В 1914 г. писать русским доносы на эстляндских немцев, в 1918-м служить немцам, в 1920-м бросать в тюрьмы эстляндских русских — норма, а не исключение из исторического правила. Такая политика, как бы она не выглядела с морально-этической точки зрения, была эффективна и дала свои результаты.¹⁰

Развертывающаяся Первая мировая война привела к физическому устранению как немецкой экономической и политической мощи, так и российского административного и политического аппарата. Более того, несмотря на то что после войны этническая монолитность на территориях, ставших Латвией, Эстонией и Литвой, возросла, избыточное внимание к национальному вопросу или, проще говоря, официальный и бытовой национализм были визитной карточкой Прибалтики.

Литовский национализм в годы Первой мировой войны оказался таким же, как и эстонский и латышский — предельно агрессивным по отношению «к слабым», основанный на демонстрации подчинения «к сильным». С точки зрения политической психологии это мощный объединяющий фактор на начало 1920-х и 1930-е гг.

Сценарий этнической мобилизации казался самым очевидным и был реализован в 1918–1920 гг. Этот же сценарий, разумеется,

¹⁰ Хутарев – Гарнишевский В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова 1910–1917. — М. : ИЦ фонда «Историческая память», РАПИ, 2019. — С. 304.

с определенными коррективами, был задействован в 1988–1991 гг. Результат очевиден: «Политико-правовая и историческая база обретения независимости в 1918–1920 гг. и 1989–1991 гг. основана на многочисленных нарушениях прав народов и отдельных людей, гражданских войнах, внешней военной агрессии и уникальном политическом оппортунизме»¹¹.

Фактор поздней национальной консолидации довлел над политическими практиками стран Прибалтики в 1920–1930-е гг. Поиск национальных героев представляет собой достаточно сложную задачу. Редактор коллективной «Истории Литвы» А. Шапока еще в 1932 г. написал программную статью, призывавшую коллег «найти литовцев в истории Литвы», поскольку до того ее исследовали «чужие» — немцы, поляки, русские и пр., — имевшие склонность подчеркивать достижения лишь собственного народа.¹² Подход, который применил А. Шапока, действует и сейчас. Обратим внимание на следующую цитату: «После прекращения существования ВКЛ [Великого княжества Литовского. — Н. М.] его материальное наследие и память сознательно уничтожались руками многочисленных оккупационных сил. Не менее важно, что уже во время национального возрождения конца XIX в. и после приобретения независимости Литовской Республики в 1918 г. эту память пришлось делить с Польшей, с которой в первой половине XX века, к сожалению, сложились отнюдь не самые благополучные отношения»¹³. Это дало необычный эффект, отмеченный Анатолем Ливеном: «Имея дело с литовскими политиками-националистами, я постоянно убеж-

¹¹ *Межевич Н. М.* К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2019. — № 2(17). — С. 184.

¹² *Шапока А.* Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Найдем литовцев в истории Литвы] // Naujoji Romuva. — 1932. — № 21. — Р. 2.

¹³ *Ченайтене Р.* Воспоминание о величии: образ великого княжества литовского в исторической памяти современной Литвы // Український історичний збірник, 2013. — Вип. 16. — С. 367.

дался, что они действовали в настоящем времени лишь отчасти; в основе их поведения лежало видение того, как их действия будут выглядеть в карнавале литовской истории, начиная от Великого княжества Литовского и простираясь до будущих учебников истории»¹⁴. Впрочем, относится ли это только к Литве? Конечно же, нет: «средневековая слава функционирует как средство легитимации, особенно для националистических правых политических сил»¹⁵. К Эстонии и Латвии вопрос «средневековой славы» не относится ввиду отсутствия последней, но концепция легитимации современности через апелляции к прошлому стала обязательной частью прибалтийского национализма. Причем в Эстонии и Латвии отсутствие славы, пусть даже средневековой, является дополнительной проблемой, выход из которой на удивление традиционен — причудливый коктейль из государственного и бытового национализма.

Возникнув на скудном историческом субстрате, историческая политика Прибалтики родилась задолго до возникновения соответствующих государств. Карстен Брюггеманн, приглашенный профессор Института истории Таллинского университета, формулирует интересный тезис, напрямую относящийся к странам Прибалтики: если прошлого нет, его следует сконструировать.¹⁶

В случае Эстонии — это легенды о «шведском золотом веке» и память о «проигранной эстонцами (?!)» Северной войне. В случае Литвы — предания о Великом княжестве Литовском, не имеющем прямого отношения к современному литовскому государству. Характерно то, что эта мифология активно распространялась и

¹⁴ *Lieven A.* The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. — New Haven ; L., 1994. — P. 54.

¹⁵ *Norgaard O.* [et al.]. The Baltic States after independence // Edward Elgar, Cheltenham. — 1997. — P. 59.

¹⁶ *Брюггеманн К.* Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 3(101). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html> (дата обращения: 11.01.2020).

распространяется не историками (новая профессия для Эстонии), а любыми представителями интеллигенции, вырвавшимися из рабства крестьянского труда.

«Поражение в Северной войне (1700), свергшее эстонский народ в глубочайшую экономическую нищету и духовное прозябание под крылом двуглавого орла, полнейший произвол балтийских помещиков выключили наш народ из целого столетия, именуемого в мировой истории эпохой Просвещения»¹⁷. Здесь каждое слово — памятник национальному величию, но одновременно сознательное издевательство над историей. Во-первых, эстонский народ не воевал в Северной войне. Во-вторых, никакого процветания в шведскую эпоху не было, о чем и говорят шведские письменные источники. Эстонские источники им не противоречат ввиду отсутствия последних. В-третьих, «балтийские помещики» имели вполне конкретную национальность: немцы и шведы. И приехали они не в обозе Петра Великого, а жили здесь столетиями и владели землей и людьми. Эстонской и латышской землей и людьми — эстонцами и латышами. Что же касается даты, то в общем ряду она даже не удивительна. Поговорка «лучший сосед эстонца — забор» должна рассматриваться как универсальная характеристика и для латышей, и для литовцев. В основном ее следует читать как культурный изоляционизм от более сильных и крупных этносов: немцев, поляков, русских.

Особый вопрос, изучение которого необходимо для понимания прибалтийской русофобии, это прибалтийский антисемитизм. История антисемитизма в Прибалтике (изначально на польско-литовских землях, затем в остзейских губерниях) началась еще в XVII в., когда большая часть жителей региона ощущала себя «недонемцами» или «недополяками». В условиях формирования чувства собственной вторичности в экономике и политике компенсационным объектом для вымещения националистических комплексов стали

¹⁷ *Ристикиви К.* Очерки по истории эстонской культуры. — Таллин : Радуга, 1997. — С. 17.

евреи, которых не защищал никто: ни имперское государство, ни организованное и богатое остзейское дворянство¹⁸.

Неожиданная трансформация угнетаемого большинства в государствообразующий этнос повлияла на отношение к меньшинствам на этих территориях. Политический и экономический хаос, масштабные внешние риски привели к тому, что на этой базе в межвоенный период в Прибалтике выросло немало националистических организаций. Одна из них латышский «Перконкрустс». Вот как характеризует эту организацию один из латвийских историков: «Оригинальным и новым в “Перконкрустсе” было то, что радикальный расистский антисемитизм был не только центральным интегрирующим, но фактически единственным серьезным принципом движения»¹⁹. Авторитарные правительства 30-х гг. старались сдерживать ультраправых, перехватывая их повестку и ограничивая антисемитские действия, но не слова.

После 1920 г. антисемитские настроения не исчезли, но продолжали присутствовать как часть политической повестки дня на уровне бытового антисемитизма. В 1930-е гг. в авторитарных диктатурах Сметоны, Ульманиса, Пятса антисемитизм стал частью государственных практик, но в отличие от фашистской Германии он не перешел на уровень геноцида. Это произойдет позже, как геноцид евреев в Прибалтике в 1941–1944 гг.

В основном антисемитизм имеет те же корни, что и русофобия. Но в настоящее время быть открытым антисемитом в странах Прибалтики — значит выпасть из политического мейнстрима. Анти-

¹⁸ См: Прибалтийские исследования в России. 2017–2018 : сб. статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; фонд «Историческая память» ; сост. Н.М. Межевич. — М. : Русская книга, 2018.

¹⁹ Странга А. Расистский антисемитизм в Латвии: «Перконкрустс» и другие (1932–1933 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

семитизм в Прибалтике устойчив и постоянен. С другой стороны, быть русофобом — это полностью принадлежать генеральной линии. В основе антисемитизма и русофобии лежат одни и те же особенности национального развития, важнейшей из которых является культивируемая ксенофобия ко всем иным, а не только к русским или евреям.

Но вернемся в начало XX в. Провозглашение национальных государств в условиях вакуума силы состоялось. Основатели этих государств, пройдя через статус немецких коллаборантов, были записаны в герои и «отцы нации», а участники националистических военных формирований становились значимой политической силой. Именно эта сила проявит себя позже, при строительстве авторитарных режимов.

2. МЕЖВОЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА НАЦИФИКАЦИИ

Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, «всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос»¹. В 1919–1920 гг. неожиданная независимость потребовала такой политической системы, которая как минимум гарантировала бы ее сохранение.

Первые республики возникли как демократические государства, с абсолютным доминированием социал-демократов и левых. «...Среди латышей резко усилились левые настроения, и на всех основных состоявшихся после Февральской революции в 1917 году выборах в Латвии уверенное большинство получили левые партии»². Затем они пали жертвой национализма и авторитаризма. Особого внимания заслуживает авторитарный этап государственности «первых республик» — «Ульманис — Сметона — Пятс». «Возникнув в горниле Гражданской и национально-освободительной войны, Латвийское государство позиционировало себя как демократическую республику, что нашло закрепление в Конституции 1922 г. Но вслед за принятием конституции началась борьба за ее пересмотр, а фактически —

¹ Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия // ЛОГОС. — 2004. — № 2(42). — С. 15.

² Kreslis U. Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitarica universitatis Saulensis. — 2008. — Т. 7. — С. 23.

отмену и установление националистической диктатуры»³. Этот тезис справедлив и для Эстонии, и для Литвы. Произошло это не случайно, а в силу того, что для межвоенных государств «национализм остается ключевым источником идейной власти в посредничестве между формальным конституционным порядком и неформальными практиками, а также в легитимации электорально-авторитарных режимов»⁴.

Политические режимы Прибалтики до середины 1930-х гг. были предельно неустойчивыми. В Эстонии в межвоенный период с 1919 по 1934 г. сменился 21 кабинет министров. Кабинеты министров были коалиционными и, как правило, правыми. При этом крупнейшие фракции создавали социал-демократы и центристы — доступа к реальной власти, подчеркнем, не получавшие (в современной Эстонии и Латвии, кстати, такая же картина). В середине 30-х гг. в Прибалтике практически синхронно к власти приходят авторитарные режимы, распускаются политические партии, останавливается действие конституций. Однако эти авторитарные режимы были, по сути, «меньшим злом», остановив рвущиеся к власти полуфашистские и фашистские группировки, например, эстонских вапсов и литовских «железных волков».⁵ Таким образом, «... идейные заимствования и собственные идеологические “находки” прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших

³ Малнач А. «Национальное движение» и антисемитские эксцессы в Латвийском университете зимой 1922/23 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2016. — № 1. — С. 126.

⁴ Гуд П. Национализм в тихое время: идейная власть и постсоветские электорально-авторитарные режимы [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. — 2014. — № 2. — URL: [http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/ forum/inhaltruss22.html](http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html) (дата обращения: 11.01.2020).

⁵ Межевич Н. М., Смирнов В. А. Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991–2017 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». — 2017. — № 4-1. — С. 71.

официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистский и нацистский»⁶.

Сползание к фашизму в Прибалтике, в том числе в Эстонии, происходило традиционным для межвоенной Европы путем. Ветеранская и националистическая организация «Эстонская конфедерация ветеранов Освободительной войны» (*Eesti Vabadussõjalaste Keskliit*) возникла в 1929 г. на правом фланге эстонского политического спектра. В 1933 г. организация радикализировалась и была реорганизована в «Эстонскую лигу ветеранов Освободительной войны» (*Eesti Vabadussõjalaste Liit*), сокращенное наименование — «вапсы» (*vapsid*). Вапсы выступали за создание корпоративного государства, основанного на традиционных национальных ценностях. Организация стала весьма массовой и влиятельной, хотя и несколько маргинальной, насчитывала более 60 тысяч человек.

Определенный перелом наступил в октябре 1933 г., когда вапсы выдвинули проект новой конституции, идеологически близкий итальянским и немецким фашистским политико-правовым конструкциям. Проект был поддержан на всенародном референдуме — 56% голосов. После этого правящая элита пустила «встречный пал» — совершила государственный переворот. 12 марта 1934 г. правительство Эстонии организовало государственный переворот, установило авторитарный режим и отменило действие конституции, подтвердив при этом все программные националистические установки вапсов⁷. Происходившее в Эстонии не являлось исключением. Практически аналогично развивалась ситуация в Литве и Латвии.

В Латвии в 1932 г. была создана фашистская организация «Угункрустс» («Огненный крест»), которая в мае 1933 г. была переименована в «Перконкрустс» («Громовой крест»), «Перконкрустс» из-

⁶ *Симиндей В. В.* Огнем, штыком и лезвием : Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. — М. : ИЦ фонда «Историческая память» ; Алгоритм, 2015. — 352 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Вып. 7.).

⁷ Фашистское движение в Эстонии в 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6766&PORTAL_ID=6763 (дата обращения: 02.03.2020).

давала одноименную газету, каждый номер которой был увенчан девизом «За латышскую Латвию!». ⁸ Движение набирало популярность и могло стать конкурентом правящих. В результате в Латвии в 1934 г. после очередного парламентского/партийного кризиса К. Ульманис установил авторитарный режим с национальным и консервативным идеологическим оформлением. Как и его прибалтийские коллеги, К. Ульманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства», или же просто вождем.

В Литве в декабре 1926 г. произошел государственный переворот. Президент и правительство были низложены, А. Сметона получил статус «верховного главы нации». В дальнейшем введены цензура и не прямое голосование на выборах в сейм, и, наконец, конституция 1938 г. еще больше усилила власть президента. ⁹

Интересно и то, что в межвоенной Прибалтике своего авторитаризма не только не стеснялись, им гордились. «3 апреля 1938 г., обращаясь к палате труда, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс дал своего рода типологическое определение авторитарного режима — это «однопартийные или беспартийные режимы, называемые также тоталитарными или авторитарными». Широко известный статистик Я. Бокалдерс, идеолог режима, описывал его как «... политически сплоченное тоталитарное государство...» Тоталитарное! ¹⁰

В настоящее время в официальной прибалтийской историографии крайне редко встречаются оценки довоенных режимов — каких бы то ни было. Причина этого явления в том, что объективная

⁸ *Панин Е. Н.* Деятельность националистического подполья в Латвии с июня 1940 по июнь 1941 г. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. — 2009. — № 1(69). — С. 214.

⁹ *Пономарева Е. Г.* Авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы: политологический анализ // Вестник МГИМО — университета. — 2009. — № 6(9). — С. 188–199.

¹⁰ *Странга А.* Политическая система режима Карлиса Ульманиса в Латвии (1934–1940) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. — 2015. — № 3(26). — С. 147.

оценка довоенных режимов неизбежно ставит вопрос об их континуитете современным авторитарным прибалтийским режимам. По мнению ряда исследователей, в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период.¹¹ Конечно же, речь не идет о буквальном копировании, воспроизводятся не столько методы, сколько цели.

Ф. Бурлацкий и А. Галкин справедливо указывали на то, что «для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей — с действительной политикой»¹². Реальная политика стран Прибалтики — реабилитация нацизма и системный национализм как государственная идеология правящей этнократии. Для этого применяются классические авторитарные практики в фальшивых демократических одеждах: «откат от демократии, но не в форме военных режимов, а в форме псевдодемократии: выборы проводятся, но они подстроены. Существует множество партий, но режим может отбирать кандидатов и избирательно запрещать участие в выборах другим»¹³. Так было в прошлом веке в странах Прибалтики, так стало и в настоящее время.

¹¹ *Grzymala-Busse A. Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989.* — N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2002. — С. 341.

¹² *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма.* — М. : Мысль, 1985. — С. 35–36.

¹³ *Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Джоном А. Холлом.* — М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. — С. 63.

3. ПРИБАЛТИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРИТАРНЫХ И ФАШИСТСКИХ ПРАКТИК

Национализм для целей данного исследования — это государственная идеология и набор политических практик, основанный на законодательно оформленном постулате о том, что в основе государственной власти и общественной организации лежит нация. Соответственно, принадлежность к нации — это потенциальная возможность занять в экономической и политической иерархии высокое положение. Естественно, в современной Прибалтике это не единственное условие. Быть эстонцем — мало для личного успеха, ибо слишком велик конкурс на рынке «профессиональных эстонцев». Подход, гарантирующий успех только по национальному признаку, не мог сохраниться в Европе нового времени, в имперской Прибалтике он тоже начал размываться в XIX в. Именно поэтому монополизм немецкого и польского экономического и политического контроля при российском административном порядке был размыт в рамках так называемого национального возрождения.

Эпоха классического капитализма, при всех издержках, дала свободу с минимальными экономическими и политическими ограничениями для «не титульных». Именно поэтому Восточная Европа с дремучими средневековыми национализмами качественно отстала во второй половине XIX — начале XX в.

В теоретическом плане важно указать, что на определенном этапе общественного развития сформировалось представление о том, что просвещенная Европа от вируса национализма избавилась. Э. Геллнер утверждал, что «в эпоху позднего индустриализма, — благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации об-

раза жизни, — накал националистических страстей постепенно снижается¹. Этот тезис, озвученный до деструкции социалистического мира и СССР, в дальнейшем не подтвердился. Вульгарный национализм сменился ухищрениями этнической демократии. Для этого в Прибалтике относительно небольшое число националистов взяло курс на создание политической нации из ее гражданской первоосновы. «Нация... является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так и должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порождаемое городской элитой»². Такой подход специалиста по проблемам этничности и национализма Т. Эриксона — идеально подходящая для Прибалтики научная модель. Этническая демократия — принцип политической организации общества и модель управления, которая предполагает узаконенное этническое доминирование в сочетании с формальным провозглашением политических и гражданских прав для всех законно ими пользующихся. Однако классическая этническая демократия предполагает, что этнические меньшинства имеют гражданство и возможность в полной мере участвовать в политическом процессе. Именно этим этническая демократия отличается от этнократии. Мы исходим из того, что этническая демократия не является нормой, но присутствует как массовая практика и де-факто признается международными институтами. Иная ситуация с этнократией, попирающей ключевые права человека. В основе и этнократии, и этнической демократии лежит национализм, но его качество существенно отличается. Страны Прибалтики — это именно этнократии, а не этнические демократии.

Политические режимы, существовавшие в странах Прибалтики с 1920 по 1940 г. и особенно с 1991 г. по настоящее время, опре-

¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. — 1992. — № 1. — С. 42.

² Цит. по: Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. — М. : Русский мир, 1997. — С. 86.

деляются как этнократии.³ Из всех теоретико-методологических взглядов, предполагающих определение этнократии для понимания ситуации в Прибалтике, наиболее интересен подход израильского социолога С. Смуха, который выделил несколько признаков, свойственных такого рода режимам:

- только одна этнонация имеет неотчуждаемое право на страну, на отдельное политическое целое и исключительное право на Родину (отсюда следует легитимизация априорного неравенства статусов коренной этнонации и некоренных групп);

- членство в единой коренной этнонации отделено от гражданства;
- государством владеет и управляет коренная этнонация;
- оно мобилизует коренную этнонацию, предоставляет некоренным группам неполные индивидуальные и коллективные права и разрешает им вести парламентскую и внепарламентскую борьбу за изменения;

- государство воспринимает некоренные группы как угрозу и устанавливает контроль над ними⁴.

Прибалтика в последние 100 лет — это сочетание нескольких видов национализма, прежде всего державно-государственного, который проявляется у государственно оформленных наций, пытающихся воплотить в жизнь свои национальные интересы и бытовой национализм, — это реализация националистических чувств в малых социальных группах, на межличностном уровне. Ему сопутствует ксенофобия и враждебное отношение к другим этническим группам.⁵ Вместе с тем политический класс Прибалтики эволюци-

³ *Воротников В. В.* Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиски консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО. — 2013. — № 6(33). — С. 25–33.

⁴ *Smooha S.* Model of Ethnic Democracy // European Centre for Minority Issues. Working Paper. — 2001. — № 13. — Р. 1–94. Цит. по *Фарушкин М. Х.* Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С. 44–50.

⁵ *Поздняков Э. А.* Нация. Национализм. Национальные интересы. — М. : Прогресс, 1994. — С. 143.

онировал по сравнению с 20–30-ми гг. прошлого века, когда националистической идеологии, даже в ее крайней форме, никто особо не стеснялся. По мнению наиболее активных националистов, действовавшая в межвоенный период форма правления не соответствует реалиям послевоенной эпохи и не способна противиться силам, которые угрожают всей цивилизованной европейской культуре — коммунизму и социализму. К примеру, К. Лапиньш-Мерт провозглашал, что остановить коммунизм и социализм может только сильная национальная власть. Развернутое изложение своего понимания этой сильной национальной власти он дал в выпущенной в 1926 г. брошюре с выразительным названием «Сущность национальной диктатуры»⁶. Об этом же, характеризуя межвоенную Литву, пишет, Витаутас Синица: «Литва — современное *национальное* государство. Государство, созданное и восстановленное не кем иным, а *националистами*, основанное на национальном идеале и общепризнанное как право *народов* на самоопределение. Нет другого принципа, который узаконивает Литву, оправдывает право нашего государства находиться на карте мира. Напротив, это право и все другие права гарантируются и охраняются *национальным* государством» [курсив наш. — Н. М.]⁷.

В советское время ситуация, на первый взгляд, изменилась, однако в это время «происходило не только культурное развитие народов, стимулированное в том числе и властью, но и постепенная политизация национального вопроса и идентичности»⁸. Сегод-

⁶ *Kreslinš U.* Движение «активного национализма» в Латвии: 1922–1934 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2019. — № 1(16). — С. 34.

⁷ *Sinica V.* Jono Basanavičiaus Lietuva // *Tėviškės alkas*. — 2014. rugpjūčio 3 d. Цит. по: *Кирчанов М.* Континуитет и дискретность в современной исторической памяти стран Балтии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2019. — № 1(16). — С. 188.

⁸ *Park A.* Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia // *Proceedings of the Estonian Academy of Sciences* 44/3. — Tallinn, 1995. — P. 116.

ня в национализме в Прибалтике видят скорее не проблему, а способ ее лечения: «национализму часто придается статус морального императива: например, национальные границы должны совпадать с государственными; члены нации должны блюсти ее моральные ценности и т. д. В результате действий, вытекающих из этих императивов, национализм начинает ассоциироваться с крайними проявлениями преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам»⁹. Государственная идеология в Прибалтике имеет не классическую форму, вместо нее в конституциях, преамбулах к ним, законах закреплён тезис о принципе примата крови — воинствующий национализм в юридическом оформлении. И вот здесь следует процитировать Тимоти Снайдера, в свою очередь опирающегося на позицию своего авторитетного антогониста: «Карл Шмидт объяснил суть фашистского правления. Чтобы разрушить все правила, говорил он, нужно сфокусироваться на идее исключительности»¹⁰. Итальянский, венгерский, немецкий опыт времен Второй мировой войны показал — главным фактором «исключительности», как правило, становится национальный. Именно это мы и наблюдаем в странах Прибалтики, продвигающих практики государственного национализма, хотя Вторая мировая война давно закончилась.

В Эстонии формула государственного национализма принадлежит Хандо Руннелю, эстонскому поэту и издателю (в советском «оккупационном» прошлом — заслуженному писателю Эстонской ССР). Этот литератор прославился тем, что сформулировал программный тезис практически для всех эстонских партий: «Прежде всего, мы должны обеспечить права эстонцев и только потом — права человека»¹¹. Именно поэтому партийный лозунг Союза эстонских партий «Отечество» и

⁹ Калхун К. Национализм. — М. : Территория будущего, 2010. — С. 15.

¹⁰ Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. — М. : АСТ, 2018. — С. 151.

¹¹ Серые паспорта и закрытие русских школ: как нарушаются права человека в Эстонии [Электронный ресурс]. — URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20191210/18706862/sobljudenie-prav-cheloveka-estonia.html> (дата обращения: 10.12.2019).

«Res Publica» (IRL), ставшего затем партией «Отечество» (Isamaa) звучит так: «Делаем эстонское дело! (Ajame eesti asja!)». «Каждый день ты делаешь эстонское дело. Твоя работа. Твоя учеба. Твоя семья. Твои надежды и мечты — это и есть эстонское дело». В чем здесь принципиальное отличие от «немецкого дела» 1933–1945 гг.? Вероятно, они лежат в сфере современных практик, но не идеологии. Подчеркнем также еще раз то, что экзерсисы Х. Руннеля и ему подобных — это не идеология 20-х гг. прошлого века, а самые современные эстонские идеологические практики.

Ключевым фактором генезиса прибалтийского, в том числе эстонского национализма, является российский фактор. Эстонский, как, впрочем, и прибалтийский национализм невозможен без России и русских¹². М. Пярнитс считает: «Эстонская идентичность существует благодаря России. Наша политика во многом определяется прошлым. Ведущие партии приходят к власти на волне военной угрозы. Весь фокус в том, чтобы не дать прошлому уйти в прошлое, сохраниться как угроза»¹³. Но, может быть, это одно случайное экспертное мнение? Увы. «Мы не должны забывать простую истину: существование эстонского государства имеет единственный смысл — чтобы на территории Эстонии сохранились родной язык и его носители, эстонская культура и ее творцы. Это и только это отличает Эстонское государство от Латышского государства, от Российского государства, от Брюссельского государства»¹⁴ — так говорил первый президент послевоенной Эстонии.

Сползание в национализм в Прибалтике шло постепенно. Парадоксальным образом этот процесс начался во времена Н. С. Хру-

¹² *Постников В.* Мнение: две основные проблемы эстонского национализма (по мотивам статьи Микка Пярнитса) [Электронный ресурс]. — URL: <http://baltnews.ee/obc/20170719/1016151255.html> (дата обращения: 19.07.2017).

¹³ Эстонский писатель: наша идентичность существует благодаря России [Электронный ресурс]. — URL: <http://baltnews.ee/obc/20170716/1016145113.html> (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁴ *Мери Л.* Как растет трава. Речь в День Победы в городе Выру, 23.06.97 // Вышгород. — 2008. — № 1–2. — С. 17.

цева. При Л. И. Брежневе выброшенный лозунг «новой исторической общности — “советский народ”» скрывал рост национализма в советской Прибалтике. Лозунг «эстонского национального социалистического государства»¹⁵, по сути дела, прикрывал политическую борьбу за вытеснение из верхних эшелонов власти так называемых российских эстонцев (которых олицетворял первый секретарь ЦК КПЭ Карл Вайно) и замену их эстонцами местными (Вяйно Вяляс, Индрек Тооме), более ориентированными на запросы местных же хозяйственных элит.¹⁶ Затем, «в 1990-е годы окончательно возобладали идеи этнонационализма — это радикальная форма национализма, идея величия так называемой нации ядра, идея этнонационального государства, в котором есть место только одной этнической группе, что привело к поражению в правах солидной части населения (в Латвии и Эстонии). Идея “ядра” обрела буквальное воплощение в Латвии. Так, 19 июня 2014 года в качестве ответа латышской этнократической элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения референдума в 2011–2012 гг. была принята преамбула к Конституции. В преамбуле подчеркивается, что “идентичность страны” определяется только латышскими и ливскими (давно утраченным этносом) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями»¹⁷. Аналогично в Эстонии на

¹⁵ Впервые проявившийся в среде творческих союзов Эстонии в конце 70-х гг. прошлого века.

¹⁶ Никифоров И. Эстония между I и III республикой (1988-1992): опыт инклюзивной реконструкции исторического нарратива // Журнал российских и восточноевропейских исследований. — 2017. — № 1(8). — С. 123.

¹⁷ Ерёмкина Н. Проблема интерпретации понятий нации и самоопределения в начале XX и в начале XXI в. на примере стран Прибалтики // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018 : сб. статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; фонд «Историческая память» ; сост. Н. М. Межевич. — М. : Русская книга, 2018. — С. 158.

роль идеологии и доминантной общественной практики был назначен эстоноцентризм. По мнению И. Никифорова, это «комплексная политико-идеологическая характеристика, часто используемая для описания интегративных процессов в современном эстонском обществе. Эстоноцентризм — это и императив, и “цель желанная”, и критерий индивидуальной или групповой принадлежности к народу Эстонии»¹⁸.

¹⁸ Никифоров И. Этноцентризм в изучении истории Эстонии [Электронный ресурс]. — URL: <https://ilja-nikiforov.livejournal.com/77828.html> (дата обращения: 12.03.2020).

4. ТЕНИ ПРОШЛОГО И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ

Фашизм — это идеология и связанные с ней практики государственного управления. Немецкий фашизм при всем разнообразии определений имеет один признак, отмечаемый абсолютно всеми. Речь идет о национализме в его предельном значении. Итальянский или румынский варианты в ключе национальной политики были существенно менее «жесткими». В таком случае речь идет не об исключительности расы, нации или национального государства, а о готовности уничтожить все остальные расы, нации или государства. Вслед за А. Гапоненко укажем на существование трех форм фашизма:

- фашизм, возникший на собственной национальной основе, — «генетический»;
- фашизм, привнесенный в нацию извне, — «индуцированный»;
- фашизм, возникший в рамках нации, деятельность которой полностью подчинена интересам другой нации, — «сервильный»¹.

Прибалтийский фашизм с трудом вписывается в данную классификацию. Своя «кровь и почва» привела к возникновению полуфашистских движений в Прибалтике еще во второй половине 20-х гг. прошлого века. В 1930-е гг. эта тенденция только усилилась, но активно шла имплементация внешних моделей. К примеру, итальянский опыт — тоталитарная националистическая политика корпоративизма была скопирована в Латвии, что признается практически всеми. Наконец, в 1941–1945 гг. пришло время фашизма третьей формы.

¹ Гапоненко А. Наказание европейских фашистских элит и наций после войны [Электронный ресурс]. — URL: <https://izborsk-club.ru/18646> (дата обращения: 21.01.2020).

Фашизм вообще и, конечно же, его проявление в Прибалтике характеризуется тем, что он был способен создать себе массовую опору. В чем же причина достаточно широкой поддержки фашизма в Прибалтике? Во-первых, следует говорить не о поддержке идеологии, а о поддержке конкретных практик немецкого фашизма, прежде всего об антикоммунизме и антисемитизме. Иными словами, последователи Гитлера в чужих шинелях делали то же, что и последователи Сметоны, Ульманиса или Пятса в своих шинелях. Во-вторых, сам германский фашизм имел массовую поддержку в мелкобуржуазной среде, т. е. именно у тех групп людей, которые составляли основу авторитарных прибалтийских режимов.

В случае Прибалтики мы наблюдаем очевидную управленческую эффективность Берлина, сделавшего определенные политические и экономические уступки местным политическим элитам. При этом эти уступки были сделаны настолько грамотно, что, с одной стороны, не подвергали сомнению территориально-политическую принадлежность Прибалтики Германии, а с другой стороны — позволяли фашистам распоряжаться всеми ресурсами Прибалтики, в том числе людскими, как своими. Иными словами, проникновение немецких оккупационных войск состоялось сугубо позже проникновения нацистской идеологии.

Следует выявить существенные факторы, объясняющие появление и закрепление фашистской идеологии и практик в современной Прибалтике.

Во-первых, укажем на фактор возвращения эмиграции в общественную жизнь. Отцом В. Ландсбергиса, одного из ключевых современных политиков Литвы, был Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис, который добровольно в 1941 г. стал министром коммунального хозяйства в сотрудничавшем с нацистами правительстве Юозаса Амбразявичюса-Бразайтиса. Именно этому министерству была поручена крайне важная работа, с точки зрения немцев, как, впрочем, и «литовской общественности», — создание концентрационного лагеря для евреев Каунаса. Закономерно то, что в Литве в рамках своеобразного понимания исторической памяти и при активной

поддержке Ландсбергиса-сына торжественно перезахоронили господина Амбразявичюса, главу временного правительства Литвы. О том, что государственный церемониал применен к коллаборационисту и активному участнику холокоста, создателю первого концлагеря для евреев СССР, предпочли не говорить. Случай не единственный, коллаборационисты, полицейские и просто офицеры СС в последние четверть века в массовом порядке возвращаются на родину, занимая почетные места не в президиумах, но на кладбище. Но проблема не в новых могилах, а в новых людях со старыми комплексами. Лесные братья, коллаборационисты, каратели — идеальные кандидаты в национальные герои. Такая же задача ставилась и ставится в Эстонии и Латвии, но проблема с героями действительно существует. Пантеон героев и государственные мемориальные кладбища наполняются эсэсовцами, деятелями эмиграции, организаторами холокоста. Представители эмиграции возвращаются не только на кладбища, их дети приходят на лидирующие позиции в эстонской, латвийской, литовской политике. Речь идет о позициях глав государства, премьер-министров, министров, руководителей спецслужб.²

Второе. Отсутствие реальных героев ведет к реабилитации убийц. Медленно, но последовательно реализуются слова министра обороны Латвии Артиса Пабрикса, заявлявшего журналистам о том, что члены латышского добровольческого легиона «Ваффен СС» являются гордостью латышского народа и государства. Он призвал чтить память легионеров³. С 1994 г. в Риге ежегодно 16 марта проходит парад бывших латышских легионеров СС. (16 марта 1944 г.

² Смирнов В. А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Материалы десятого всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. — СПб. : Интерсоцис 2012. — С. 134.

³ Президент Латвии призвал чтить национальных партизан [Электронный ресурс]. URL: https://bb.lv/statja/politika/2019/10/03/prezident-latvii-prizvalchtit-ubivavshih-sovetskih-grazhdan-nacionalistov?fb_comment_id=2741201452566330_2741421359211006 (дата обращения: 3.10.2019).

началось сражение на восточном берегу реки Великой на территории Псковской области, в котором принимали совместное участие две дивизии латышского легиона «Ваффен СС» — 15-я и 19-я. Летом 1998 г. Латвийский сейм установил 16 марта в качестве дня памяти латышских воинов, но после острых двухлетних дискуссий депутаты признали это ошибкой, при этом шествия нацистов и неонацистов по центральным улицам городов Латвии при неофициальной поддержке латвийских властей продолжаются.)

В Латвии «наблюдается небывалый всплеск героизации нацистских пособников и “лесных братьев”. Правоохранительная система отказалась рассматривать преступления и реабилитировала Г. Цукурса, соучастника и организатора массовых убийств и ответственного за вооружение и транспорт в латышской вспомогательной полиции при СД (“команда Арайса”). Готовится масштабный проект “Бессмертный бункер национальных партизан” — в пик “Бессмертному полку”⁴. В свою очередь, в Эстонии в начале июля 2019 г. активисты партии EKRE заявили о готовности восстановить памятник легионерам СС в городе Лихула, демонтированный в 2004 г. Против этих планов выступил премьер-министр Юри Ратас, однако их поддержал спикер эстонского парламента Хенн Пыллуаас. «Прославление на высшем уровне пособников нацизма ставит вопрос об ответственности Прибалтийских государств за преступления, совершенные коллаборационистами»⁵. Эта тенденция характерна для Прибалтики в целом.

Скудность социума, урезанного национальными ограничениями, и специфика политического ландшафта привели к героизации тех, кто в нормальных странах воспринимается как преступник. К примеру, провозглашение участников вооруженного восстания в Каунасе в июне 1941 г. национальными героями и борцами за свободу

⁴ Симиндей В. В. Основные историко-политические проблемы в российско-балтийских отношениях // Международная жизнь. — 2020. — № 1. — С. 131.

⁵ Симиндей В. В. Политика лжи и беспамяства // Историк. — 2019. — № 3(51). — С. 65.

приводит к закономерным результатам — сложностям с датировкой. Выстрелив в спину уходящим бойцам Красной армии (герои!), активисты немедленно начали истреблять еврейское население (все-таки не герои?).

Литовский кейс наиболее убедителен в том, что «герои» предпочитали воевать ломami с беззащитными евреями, а не сражаться с Красной армией, даже отступающей. «Общим же для исследователей из Литвы, Латвии и Эстонии являются настойчивые попытки апологии прибалтийских полицейских батальонов и подпольных националистических формирований в военные и первые послевоенные годы»⁶. При этом последующие этапы военной и карательной деятельности старательно замалчиваются.

Третье. После 1945 г. литовские «лесные братья», как и их эстонские и латвийские товарищи, предпочитали убивать беззащитных соотечественников, а не сражаться с частями НКВД. «Осенью 1941 года в Латвии на базе “отрядов самообороны” стали формироваться регулярные полицейские батальоны, которым поручались карательные операции. В октябре 1941 года первый латышский батальон был направлен на борьбу с партизанами в Псковскую область, а в декабре того же года латышские полицейские участвовали в карательных акциях на территории Белоруссии»⁷. Дальнейшая трансформация полицейских батальонов в войска СС показана российскими историками в следующей работе⁸. Большая часть личного состава эстонского и латышского легиона СС на-

⁶ Суржик Д. Перипетии исторической политики и памяти в Прибалтике [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 2016. — № 2. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1442> (дата обращения: 13.02.2020).

⁷ Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс]. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/1510968.html> (дата обращения: 18.03.2020).

⁸ Дюков А., Симиндей В. Латышский легион СС: проблемы ответственности и отрицания преступлений [Электронный ресурс]. — URL: https://norway.mid.ru/upload/iblock/b56/b56c07b0e_ea42b48ca51dac2eff98690.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

биралась из числа бойцов полицейских батальонов, участвовавших в холокосте и других массовых убийствах мирного населения на оккупированных территориях. Впрочем, военные преступления они совершали и в эсэсовской униформе. Их привлекали к участию в карательных операциях против гражданского населения на территории Ленинградской и Новгородской областей, а также в Белоруссии.

В целом же можно говорить о некоей схеме, по которой развивался прибалтийский национализм и фашизм:

- подпольные группы антисоветски настроенного населения 1940 — 22 июня 1941 г. на базе парамилитарных структур межвоенного периода;

- вооруженные формирования, нападающие на отступающие части Красной армии, убивающие партизан, захватывающие органы власти;

- добровольческие формирования, организующие тотальное уничтожение евреев, цыган, коммунистов;

- полицейские батальоны, выполняющие функции поддержания порядка и охраны концлагерей как на территории Прибалтики, так и за ее пределами;

- вспомогательные военные части;

- регулярные части СС, сформированные из полицейских и вспомогательных батальонов (кроме Литвы) на добровольной и призывной основе.

Четвертое. Страны Прибалтики в последние 25 лет ведут юридическое закрепление героизации нацизма. 15 мая 2014 г. сеймом Латвии были приняты поправки к уголовному закону Латвии, предусматривающие уголовную ответственность сроком до пяти лет за «отрицание и оправдание геноцида и преступлений против человечества, совершенных советским либо нацистским режимами».⁹

⁹ О докладе МИД РФ «Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права» [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1701-o-doklade-mid-rf-lneonaczizm-opasnyj-vyzov-pravam-cheloveka-demokratii-i-verhovenstvu-pravar> (дата обращения: 13.02.2020).

В Эстонии, Латвии и Литве совершенно легально действуют организации ветеранов войск СС, им устанавливаются памятники и обелиски, им выплачивается пенсия, а официальная пропаганда с сочувствием отзывается о пользе «трудового перевоспитания» в фашистских концлагерях. С другой стороны, бывшие солдаты и офицеры Красной армии попадают под суд как «окупанты»¹⁰.

Укажем на то, что реабилитация нацизма началась в Прибалтике практически сразу после 1991 г. Так, согласно Постановлению Кабинета министров Латвийской Республики от 8 августа 1997 г. № 138, со ссылкой на закон «О статусе участников движения национального сопротивления», граждане Латвии, в прошлом борющиеся против СССР, имеют право «на дополнительную льготу по налогу». Укажем и на то, что в странах Прибалтики «...пропагандируется идея о том, что даже члены организаций, признанных преступными, в массовом порядке находились в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сотрудничество с ним позиционируется в качестве исключительно вынужденной меры. Транслируется идея о том, что даже высокопоставленные государственные и военные деятели могли находиться в неведении относительно преступных практик нацистов. Также имеют места попытки оценки элементов опыта нацистского режима как позитивного, в том числе — за счет отсылки к актуальным проблемам современности»¹¹. Все эти положения полностью относятся ко всем трем странам Прибалтики. Именно здесь системно осуществляются «...попытки реабилитации деятельности нацистов и их приспешников, героизации членов преступных организаций, пересмотра решения Нюрнбергского

¹⁰ *Платошкин Н. Н.* Отношение в ФРГ к Нюрнбергскому трибуналу, или Коричневые тени прошлого // *Международная жизнь.* Спецвыпуск: Уроки Нюрнберга и новые вызовы и угрозы. — 2016. — № 13. — С. 68.

¹¹ *Белов С. И.* Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти // *Вестник РУДН. Серия: Политология.* — 2019. — Vol. 21. — № 1. — С. 115.

трибунала. Они явно противоречат международному правосознанию и действующему международному праву»¹².

Пятое. Прославление ветеранов СС и полицейских формирований сочетается с волной репрессий в отношении ветеранов-антифашистов. К примеру, сейм Латвии отказал в поддержке воинам-антифашистам, отклонив предложенный левой оппозицией законопроект «О статусе проживающих в Латвии участников антигитлеровской коалиции Второй мировой войны» (в соответствии с законопроектом им был бы предоставлен статус бойцов антигитлеровской коалиции и соответствующие льготы, приравненные к льготам жертв политических репрессий).

Шестое. Коллаборация в странах Прибалтики действительно сложное явление. С большой долей условности коллаборационизм можно разделить на правительственно-государственный, социально-бытовой, культурный и, наконец, военный.¹³ Следует признать, что «в Прибалтике феномен коллаборационизма носил специфическую национальную окраску и был связан с надеждой местной элиты на то, что немецкое военное присутствие позволит ей воссоздать национальные государства в прежнем, предвоенном виде. Она и призывала латышей, литовцев и эстонцев идти на службу в вермахт, добровольно вступать в войска СС и полицию, давать присягу Гитлеру и участвовать в боевых действиях и карательных операциях на оккупированных немецкими захватчиками территориях»¹⁴. С одной стороны, объяснить то, что эстонцы и латыши, сражавшиеся

¹² *Вылегжанин А. Н., Синякин И. И., Скуратова А. Ю.* Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса // Современное право. — 2017. — №1. — С. 130.

¹³ *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. — М. : Астрель, 2011. — С. 9.

¹⁴ *Фокин С. В.* Феномен коллаборационизма среди народов Прибалтики и Кавказа : выступление на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященному 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального собрания РФ. — М., 2010. — С. 68.

под флагом фашистской Германии, на деле сражались за независимость, без нарушения формальной логики невозможно, и эта сверхзадача не была успешно решена в 1944 г. При этом «...использование национальной символики ничуть не мешало многим местным жителям верой и правдой служить гитлеровскому режиму, выполняя подчас самую грязную палаческую работу по уничтожению его противников»¹⁵. Легенда об «ожидании воссоздания» была успешно внедрена в 90-е гг. XX в. Впрочем, с позиций Нюрнбергского трибунала эти построения не являются индульгенцией за совершенные преступления, они просто не принимаются во внимание. С другой стороны, укажем на определенную проблему, прямо вытекающую из решений, принятых в Нюрнберге. Преступниками не стали считать лиц, которые «оказались в данной организации в результате призыва государственными органами, объясняя это тем, что они не имели права выбора. Разночтения в вышеотмеченных формулировках статей Устава Международного трибунала, как показало послевоенное время, привели к тому, что сегодня в Латвии, Литве и Эстонии служба их граждан в составе вермахта и войсках СС в годы Второй мировой войны преступлением не только не является, а признается почетной и даже геройской»¹⁶.

Необходимо вспомнить о том, как относились к карателям и коллаборационистам, ветеранам СС в советские годы. Конечно, было бы странно увидеть эсэсовца из 20-й дивизии на посту секретаря райкома КПЭ, однако они были активно интегрированы в общественную жизнь, стали частью прибалтийской интеллигенции в худшем смысле этого слова. Советская и партийная власть настолько была уверена в своей силе и бессмертии, что в ряде случаев сдерживала активность органов КГБ СССР, стремящихся

¹⁵ *Гущин В.* Националисты на службе нацистов [Электронный ресурс] // Стратегия России. — № 11, ноябрь 2019. — URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1572636259&archive=1575194333&start_from=&ucat=14 (дата обращения: 11.03.2020).

¹⁶ *Фокин С. В.* Указ. соч. — С. 59.

к поиску и наказанию карателей и «просто ветеранов» СС¹⁷. Да, историки и пропагандисты рассказывали о подвигах 130-й Латышского ордена Суворова корпуса, 8-й стрелкового Эстонского Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской Краснознаменной дивизии¹⁸, однако деятельность их противников не получила должной оценки. В результате «в период 1960–1980-х годов принципами в советской историографии исследуемой проблемы стали догматизм и использование цитат в соответствии с официальными установками ЦК КПСС об отсутствии в годы войны латышских гитлеровских формирований и фашистского подполья в Латвийской ССР, что оставило негативный оттенок на процессе исследования данной темы. При этом отсутствовали всесторонний анализ и собственная точка зрения ученых-историков в освещении исторических событий в Латвии в военные годы»¹⁹. Естественно, все сказанное относится и к советской Литве, и к советской Эстонии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» лица, осужденные на десять лет лишения свободы, были освобождены, осужденным на 25 лет срок наказания сократили вдвое. То, что это ошибка, станет ясно существенно позже, в самом конце XX в.

Седьмое. Еще одним фактором, объясняющим возрождение нацизма в странах Прибалтики, является отсутствие эффективной реакции на эти процессы в Европе. «...в ЕС есть страны, которые

¹⁷ Сказанное не означает того, что данная работа не велась в принципе. См.: Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики. — М. : Вече, 2017.

¹⁸ Наименования даны по: Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. — М. : Вече, 2010.

¹⁹ Панин Е. Н. Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — май 1945 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Специальность 07.00.02 — Отечественная история. — М., 2009.

смотрят на данную проблематику следующим образом: нацизм — это плохо, но были люди, которым пришлось в сложной ситуации взаимодействовать с нацистами, чтобы бороться с коммунизмом, а он тоже плох»²⁰. Терпимость Евросоюза и НАТО по отношению к реабилитации бывших нацистов в странах Прибалтики объясняется во многом и тем обстоятельством, что сами западные страны в годы холодной войны проявляли к бывшим нацистам мягкость, игнорируя совместные решения по данному вопросу стран анти-гитлеровской коалиции.

²⁰ Дюков А. Р. Выступление на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, посвященном 65-летию Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ 23 ноября 2010 года. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. — М., 2010. — С. 45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Поняв, какие условия породили фашизм, мы поймем также, может ли фашизм вернуться, и как этого избежать»¹. Этот программный тезис М. Манна имеет прямое отношение к странам Прибалтики. Поставив вопрос о предпосылках реабилитации и частичного возрождения фашизма, мы обязаны учитывать то, что история не позволит себе повториться в неизменном виде. Ожидать буквального воспроизведения фашистских эксцессов нет оснований. Однако именно в Прибалтике существуют ключевые предпосылки для формирования таких политических режимов, которые являются пограничными по отношению как к классическим современным демократиям, так и к тоталитарным фашистским режимам межвоенной Европы. Эти предпосылки — национализм, авторитаризм, огосударственная культурная травма и русофобия. До тех пор, пока будут сохраняться эти предпосылки, возрождение тоталитаризма, в том числе и с фашистской спецификой, — возможно. Сталкиваясь с критикой, политические режимы в Прибалтике мимикрируют. Рассмотрим это на примере Консервативной народной партии Эстонии с несколько демонстративными факельными шествиями и вполне реальной радикальной националистической риторикой и аналогичной политической практикой. EKRE — закономерный продукт эстонской политической системы. При своей относительной неполиткорректности EKRE предлагает то, что вполне обычные «либеральные» политики вроде М. Лаара, А. Ансипа делали, но не говорили. Консервативная народная партия Эстонии с ее антиэмигрантской риторикой и борьбой за «эстонскость как мерило цивилизованности» — это последний рубеж эстонского политического класса перед сползанием в откровенный фашизм.

¹ Манн М. Фашисты. — М. : Пятый Рим, 2019. — С. 15.

Отметим, что в Латвии и Литве нет аналогичных политических партий с евроскептицизмом, мигрантофобией и дремучим консерватизмом столетней выдержки. В этом контексте Эстония работает «на опережение», показывая, что русофобия может сочетаться с мигрантофобией и евроскептицизмом. Необходимо подчеркнуть еще один важный аспект. Возрождение фашизма опирается на преемственность моделей восприятия истории старшими поколениями, но целью являются младшие поколения. «Фактор исторической памяти чрезвычайно важен для формирования патриотических установок в контексте конструирования позитивной политической культуры современной молодежи»². Это положение работает в две стороны и превращает нас в антагонистов. «Позитивная культура» для наших прибалтийских соседей — реабилитация участников дивизий СС и парамилитарных формирований. Позитивная культура для Российской Федерации — борьба с реабилитацией фашизма в любых проявлениях. «Реальную угрозу представляют участвовавшие в иностранных государствах случаи умышленного искажения истории, возрождения идей нацизма и фашизма»³ — это не только позиция Президента, это мнение российского общества. Противостояние этой линии в большей или меньшей степени маргинализирует политика, эксперта, журналиста, дипломата.

Российская политика, как внешняя, так и внутренняя, обладает большой способностью к адаптации. Однако в отношении стран Прибалтики рассчитывать на то, что отношение к глорификации нацизма изменится, не следует.

Понимания, оправдания и соглашательства с этой позицией не будет.

² *Кутыкова И. В., Халлисте О. В.* Историческая память современных школьников России и Эстонии: социологический анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 12. — 2015. — Вып. 3. — С. 173.

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 [Электронный ресурс] // Консультант-плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения: 12.03.2020).

Для заметок

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Серия: История

Межевич Николай Маратович

**ПУТЬ ПРИБАЛТИКИ:
от национализма к авторитаризму,
от авторитаризма к глорификации фашизма**

Научный доклад

Директор изд.-полигр. центра *Е. Ю. Князев*

Редактор *Е. Г. Закревская*

Верстка *Е. Б. Сухопаровой*

Подписано в печать 10.06.2020.

Гарнитура OfficinaSansBookITC.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 3,37.

Бумага офсетная. Тираж 50 экз.

Комплекс издательско-полиграфических работ выполнен
в ИПЦ Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.

Тел.: (812) 335-42-10. Факс: (812) 335-42-16.

E-mail: ph-sziu@ranepa.ru